

Вэйиньсы молча высчитывал время действия зелья, и с каждой секундой в его душе разгоралось болезненное, почти маниакальное возбуждение.

Он наблюдал, как Сан без тени сомнения осушает бокал с подмешанным напитком, не отрывая взгляда от разноцветных глаз учителя — глаз, которые когда-то всегда смотрели на него с жалостью.

Видя, как щеки Сана слегка розовеют от алкоголя, Вэйиньсы насмешливо усмехнулся. Тот, кто учил его быть настороже с каждым встречным, сейчас, перед лицом собственного «предателя», без всякой защиты выпил отравленное вино, даже не заметив, что вкус у него совсем другой.

Этот человек, разрушивший его спокойное детство, похитивший семь лет его юности, тот, кого он одновременно ненавидел и от кого никак не мог освободиться, — теперь он был полностью в его власти.

Когда Вэйиньсы в третий раз наполнил бокал Сана, зелье наконец начало действовать.

Сан внезапно почувствовал, как картинка перед глазами поплыла, мысли стали вязкими и медленными. Он подумал, что, должно быть, просто немного захмелел.

Однако, попытавшись призвать целительную магию, чтобы снять дурноту, он с ужасом обнаружил, что магия не слушается, а силы не концентрируются.

Его рука, сжимавшая бокал, мелко задрожала, несколько капель вина пролились на одежду. Взгляд начал расфокусироваться, золотистые глаза утратили привычный блеск, словно затянулись дымкой, помутнев, как и его серый правый глаз.

— Ты... — Сан хотел что-то сказать, но язык не слушался, слова выходили невнятными. Он помотал головой, пытаясь прогнать дурман, но тело предательски качнулось, и он едва не сполз со стула.

Вэйиньсы осторожно поставил бокал на стол, и на его лице расцвела торжествующая улыбка:

— Что случилось, учитель? Вино не по вкусу?

Сан поднял голову, пытаясь сфокусироваться на Вэйиньсы, но зрение окончательно подвело его. Слабость разливалась по всему телу, оно становилось невыносимо тяжелым, даже мыслить ясно стало невозможно. И все же, парадоксальным образом, некоторые чувства обострились до предела: он отчетливо ощущал исходящий от Вэйиньсы запах раскаленного на солнце песка и едва уловимый аромат крови, слышал, как часто и неровно бьется сердце юноши.

— Вино... что-то не так? — голос Сана был тихим, в нем сквозило недоверие. Ему было трудно осознать, что Вэйиньсы способен на подобное.

— Не так? — Вэйиньсы медленно подошел к нему, и его улыбка стала еще шире. — Да, не так. Все сделано именно так, как я для тебя приготовил.

Сан, пошатываясь, попытался встать, но ноги, словно налитые свинцом, не держали его. Он рухнул со стула, прислонившись спиной к холодной стене.

Он пытался сосредоточиться, чтобы призвать внутреннюю мощь и побороть внезапную слабость, но зелье не только парализовало тело, оно блокировало потоки маны. Даже его сила, унаследованная от Священной земли и превосходящая человеческую, в этот миг казалась опечатанной.

— Почему... — Сан смотрел на Вэйиньсы, и в его золотых глазах читались лишь недоумение и обида. Он не злился, он искренне не понимал: почему ребенок, которого он с таким трудом нашел, поступает с ним так?

— Почему? — Вэйиньсы рассмеялся, будто услышал самую нелепую шутку в мире. Он протянул руку и кончиками пальцев провел по щеке Сана, задев серый правый глаз. Кожа Сана была невероятно гладкой, прохладной, словно лесная чаща, куда никогда не проникали прямые солнечные лучи — резкий контраст с грубой и горячей кожей самого Вэйиньсы.

— Ты спрашиваешь меня почему? — пальцы юноши резко сжались, впиваясь в подбородок Сана и заставляя его поднять голову. — Тогда скажи мне, почему столько лет назад ты выбрал именно меня? Почему забрал меня? А раз уж забрал, почему потом хотел вернуть обратно в деревню? Почему на любой мой вопрос ты никогда не говорил правды?!

Вэйиньсы говорил все более возбужденно, сжимая челюсть учителя все сильнее. Сан поморщился от боли, но не сопротивлялся — у него не было ни сил, ни желания. Он просто смотрел на Вэйиньсы своими потерянными золотыми глазами.

— Еще не время... я... я хотел как лучше... — с трудом, дрожащим голосом выдавил Сан.

— Хотел как лучше? — Вэйиньсы засмеялся так, что на глазах выступили слезы. — Лишить меня свободы, заставить забыть прошлое, сделать меня своей вещью, которую ты держишь в клетке, — это ты называешь как лучше? Что ж, позволь и мне дать тебе прочувствовать, каково это — быть лишенным воли. Посмотрим, покажется ли тебе это таким же прекрасным!

Другая рука Вэйиньсы медленно скользнула по шее Сана, поглаживая кожу под тканью одежды. Сан вздрогнул — не от страха, а оттого, что зелье обострило все чувства до предела, и любое прикосновение отдавалось в теле странным, пугающим возбуждением.

— Вэйиньсы... не надо... — Сан попытался оттолкнуть его, но руки были как ватные. Он мог бы дать отпор, если бы считал Вэйиньсы врагом, но тот не был врагом, и Сан не мог поднять на него руку.

— Не надо? — Вэйиньсы наклонился так близко, что их носы почти соприкасались, а в его алых глазах полыхало безумие. — Теперь ты понимаешь значение слова не надо? Когда ты принуждал меня, ты хоть раз задумывался о том, как часто я повторял это слово? Ты даже не удосужился услышать, как я просил не называть меня тем именем!

Он склонился и грубо впился в губы Сана, не желая больше слышать от него ни звука.

Губы Сана были мягкими, с едва уловимым привкусом вина и ароматом трав.

Этот жест Вэйиньсы был пронизан жадной жаждой наказания и выплеском ярости — жестокий, неистовый, словно он хотел разорвать губы учителя в клочья.

Сан широко открыл глаза, полные шока и растерянности. Он был совершенно не в силах понять, что означает этот поступок.

В его картине мира не существовало чувств, которые требовали бы кусать кого-то за губы. Это не было ни проявлением близости, ни способом утешения, принятым среди его народа. Если Вэйиньсы хотел заставить его замолчать, были способы и проще. Сан чувствовал себя совершенно сбитым с толку этим странным, агрессивным поведением.

Он пытался отстраниться, но руки, слабые, как хлопок, не слушались, а голову невозможно было повернуть из-за крепкой хватки на подбородке. Парализованное тело и затуманенное сознание вынуждали его лишь пассивно принимать происходящее.

Зелье действовало все сильнее. Перед глазами Сана темнело, веки стали неподъемными, и единственным, что он слышал, было его собственное участвовавшее сердцебиение и тяжелое, хриплое дыхание Вэйиньсы.

Вэйиньсы чувствовал сопротивление Сана, и это приносило его ненависти извращенное удовлетворение. Однако глубоко внутри, под слоями этой ненависти, зарождалось нечто иное.

Он тысячи раз представлял, как превзойдет этого человека, как победит его. Но он никогда не думал, что это произойдет именно так.

Он медленно разорвал рубашку на Сана; грубая ткань с сухим шорохом скользила по коже. В голове Вэйиньсы уже зрели мысли о том, какие именно шрамы он оставит на теле учителя, чтобы тот не забыл этот день до конца своих дней.

Из-за обострившейся чувствительности грубая ткань причиняла Сану боль, и он невольно издал тихий стон. Вэйиньсы, недовольный этим звуком, завел руку за голову Сана, больно дернул за волосы, заставляя его запрокинуть голову и обнажить шею. Затем, подобно дикому зверю, впился зубами в горло Сана.

Вскоре по шее потекла кровь. Лишь когда Сан, задыхаясь от боли, начал беспомощно биться, Вэйиньсы наконец отпустил его.

Вэйиньсы поднялся, небрежно вытер кровь с губ и посмотрел сверху вниз на Сана, который, задыхаясь, судорожно хватал ртом воздух. Юноша холодно усмехнулся:

— Тебе даже нравится, когда твой ученик так с тобой обращается? Учитель, да ты настоящий извращенец. Впрочем, старик... — Вэйиньсы с силой ударил Сана ногой в живот, а затем с силой наступил на спину скорчившегося от боли человека. — Не обольщайся, я делаю это вовсе не для того, чтобы ты получал удовольствие.

— Вэй... — Сан хотел что-то сказать, но стоило ему произнести слог, как последовал новый удар — на этот раз по лицу, разбив губу в кровь.

Вэйиньсы присел, рывком поднял Сана и вжал его в стену. Увидев, что губы Сана приоткрылись, он тут же зажал ему рот ладонью и прошептал прямо в ухо:

— Молчи. Я не хочу слышать от тебя ни слова, иначе без колебаний отрежу тебе язык.

Он отнял руку и с довольным видом погладил следы своих зубов на шее Сана и ссадину на его губе.

Темная кожа Сана казалась особенно выразительной на фоне бледных пальцев Вэйиньсы. Взгляд юноши скользил по телу учителя, пока не остановился на его груди, где едва проступал почти исчезнувший бледный шрам.

<http://bllate.org/book/22458/2361945>